

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ЧЕТВЕРТАЯ
КНИГА
ПОПУЛЯРНОГО
КНИЖНОГО СЕРИАЛА
«ОСТРОВ
КОШМАРОВ»

ОСТРОВ КОШМАРОВ

ТОМАГАВКИ И АЛМАЗЫ

Как Англия стала крупнейшим в мире
хищником и колонизатором

Бушков. Непознанное

Александр Бушков

**Остров кошмаров.
Томагавки и алмазы**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бушков А. А.

Остров кошмаров. Томагавки и алмазы / А. А. Бушков —
«Эксмо», 2020 — (Бушков. Непознанное)

ISBN 978-5-04-113870-7

Вопреки широко распространенному мнению, снятие скальпов – вовсе не индейская придумка. Широкий размах этой, так сказать, процедуре, дали колонизаторы из Англии. Скальп служил средством строгой отчетности и своеобразной квитанцией на получение денег. В 1720 году за каждый скальп платили до ста фунтов. Англичане, обосновавшиеся в Америке, видели в индейцах не людей, а зверей, по чистому недоразумению обитающих на землях, предназначенных белому человеку. На эту тему в колониях даже вышло несколько теоретических работ, рисовавших индейцев как животных, очистить от которых землю – богоугодное дело. И очищали... Таковы истоки консервативной британской морали.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113870-7

© Бушков А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Умное слово от автора	6
Четыре Георга чередой	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Александрович Бушков

Остров кошмаров. Томагавки и алмазы

© Бушков А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Политика есть концентрированное выражение экономики
В. И. Ленин

Умное слово от автора

В первой книге второй трилогии об истории Англии (точнее говоря, ее разбойной истории) я должен решительным образом, высокопарно выражаясь, изменить творческий метод. Не по своему хотению или капризу – сама История заставила...

Прежде метод был совершенно другим – рассказывать о правлении того или иного монарха, одного за другим, перечисляя события, произошедшие за время его правления. Теперь от этого придется решительно отказаться. По весьма важной и существенной причине: слово «царствование» остается, а вот «правление» следует решительно исключить. Потому что, уже начиная с последних десятилетий XVII в., английские монархи царствовали, но не правили. Они лишь, если можно так выразиться, механически штамповали парламентские акты, а немного погода и решения правительства. Английским монархам запрещалось даже посещать парламент – каковая традиция соблюдается и по сей день.

И прежде в европейской истории не раз случалось, что сильный и волевой государственный деятель, «могучий ум при слабом короле», фактически брал на себя управление государством (кардиналы Ришелье и Мазарини, Николя Фуке, Потемкин, впоследствии – Бисмарк) или, по крайней мере, финансами (Кольбер, Тюрго, Неккер). Однако это не носило характера системы и всегда было чистой воды случайностью. Еще и оттого, что подобный сильный министр всецело зависел от воли короля, остававшегося абсолютным монархом. И король в любой момент мог низвергнуть некоронованного владыку страны в грязь (история Людовика Четырнадцатого и Николя Фуке).

Англичане первыми в европейской истории как раз и создали систему – когда монарх оставался коронованной куклой на троне (о чем прекрасно знал), а решительно всем управляли олигархи, элита – сначала посредством парламента, а в начале XVIII в. – и правительства, представлявшего одну из двух политических партий (о их становлении я уже писал подробно в предшествующей книге). Система была безупречно отлажена и работала, как часовой механизм. Даже когда на троне оказался совершеннейший безумец Георг Третий, ни малейшего влияния на жизнь государства это не оказало, ничему не помешало и ничего не испортило на протяжении многих десятилетий.

Точности ради нужно упомянуть, что порой английские монархи все же вмешивались в государственные дела, иногда очень важные и серьезные, – но это происходило так редко, что смотрелось экзотическим исключением, а исключения, как известно, лишь подтверждают правило. Монархам оставался лишь подобающий почет – и не более того (кстати, безвозвратно ушли в прошлое и времена фаворитов – в условиях Системы они просто-напросто не могли появиться).

Система – опять-таки порождение чисто английской специфики, не имевшей аналогов на континенте. Сложилось так, что к началу XVIII в. окончательно перестали существовать как класс два когда-то крупнейших сословия английского общества: «свободные» крестьяне, то есть обладавшие порой небольшим, но собственным участком земли, и малоземельные мелкие помещики-джентри. Практически все английские крестьяне стали арендаторами земли у крупных лендлордов и сквайров, в чьи руки и перешел «земельный фонд».

А это было очень незавидное положение, знаете ли. Никакой уверенности в завтрашнем дне у такого арендатора не было и быть не могло. Он мог прожить на своей ферме сто, две-сти лет, со времен дедов-прадедов, – но если владелец земли по каким-то своим соображениям хотел именно от этого арендатора избавиться, официальным образом предписывал ему собрать пожитки, забрать семью и покинуть ферму. Протестовать или обжаловать это в суде было невозможно – таковы уж были тогдашние (и более поздние) английские законы. Частная собственность священна – и точка. Вот крестьянская семья, собрав то, что принадлежало им

лично, и уходила в совершеннейшую неизвестность. Наиболее ярко подобный случай описан в романе классика английской литературы Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».

Мало того. В начале XVIII в. английские крестьяне были свободны только на словах. У нас часто (и справедливо) поминают недобрый словом указ Петра Первого «О крепости крестьянской», окончательно закрепостивший крестьян и превративший их в живое имущество помещиков. Вот только в то же самое время в Великой Британии действовал так называемый *Akt of Settlement*, по которому крестьянам (и сельским ремесленникам) прямо запрещалось менять место жительства. Основной низшей административно-территориальной единицей Англии был приход (ближайшая аналогия – русский уезд). Согласно вышеупомянутому закону, никто не имел права поселиться в другом приходе, не в том, где родился, под страхом «ареста и бесчестия». Ну а для того, чтобы поехать в город, крестьянину требовалась «лицензия» (письменное разрешение). А так – внешне все благолепно. Вдоль дорог уже не стоят виселицы, никому уже не рубят руки и не режут уши...

Да что там восемнадцатый век... Забежим чуточку вперед. В 1820 г. герцогиня Элизабет Сазерленд и ее муж маркиз Стаффорд на совершенно законных основаниях владели не просто огромными поместьями – целым графством Сазерленд площадью 5,3 тысячи кв. км. И однажды (мотивы и соображения дамочки мне неизвестны) она пожелала очистить свои земли от «мужичья». И три тысячи многодетных семейств, живших там столетиями, покорно ушли в неизвестность. Закон. Частная собственность. Суд, полиция, армия...

Конечно, помянутые мелкие помещики оказались в лучшем положении. Их никто не гнал взыщ, не отбирал именниц. Сохранилось множество небольших усадеб (ярко и любовно описанных Чарльзом Диккенсом), порой даже с охотничьими угодьями. Но большая часть земель перешла в руки тогдашних олигархов. А то, что осталось мелкоте, никакой роли в экономике уже не играло.

Еще одна специфически английская черта сложившейся системы. В отличие от европейской аристократии, главный доход получавшей с сельского хозяйства, для английской высшей знати принадлежащие им громадные поместья стояли на десятом месте. Главные доходы они получали от другого – тогдашней промышленности, всевозможных торговых предприятий и компаний, банковского дела (иногда и добычи полезных ископаемых). Что ни говори, а это был прогресс по сравнению с европейскими обычаями, там и сям остававшимися на уровне Средневековья. Высшая английская титулованная знать сплошь и рядом была в то время пайщиками торговых домов и торговых компаний, банкирами, владельцами тогдашней промышленности. А также и акционерами компании, на широкую ногу занимавшихся работоторговлей, – что считалось вполне приличным занятием для британского джентльмена.

Вот так и сложилась система – хорошо организованная власть олигархии, сохранявшая монарха на троне исключительно приличия ради. В те времена сильному и влиятельному государству было просто неприлично жить без короля и придворных церемоний. Да и маленькому, впрочем, тоже – несколько сотен германских государств, от больших до крохотных, прямо-таки кишели титулованными владетелями. Немногочисленные тогдашние республики, которые можно по пальцам пересчитать, были скорее географическими курьезами, иные, вроде крохотулек Андорры и Сан-Марино, – и вовсе уж экзотами...

Именно потому, что в Великой Британии и сложилась система, способная превосходно справляться с государственными и прочими делами и без короля, способ повествования я изменил. Сначала кратенько расскажу о четырех королях Георгах из германской династии Ганноверов, правив... тьфу ты черт! – царствовавших в Великой Британии с 1714 по 1830 год, а уж потом перейду к обстоятельному рассказу о жизни и деятельности Великой Британии на протяжении восемнадцатого века. Думаю, читателю это будет небезынтересно: если о Георге Третьем еще с грехом пополам помнят (и то прилежные читатели Валентина Пикуля), то трех прочих Георгов забыли прочно. В какой-то степени это и справедливо, за редчайшими исклю-

чениями, мало-мальски выдающегося за ними не числится, довольно бесцветные были личности. Но коли уж я взялся написать подробную историю Англии (разбойную!) со времен древних римлян и до дня вчерашнего, никак не могу пропустить четырех королей, в общей сложности восседавших на троне Великой Британии сто шестнадцать лет...

Четыре Георга чередой

Номер первый

Итак, в 1714 г. королева Анна умерла. Называя вещи своими именами – пала в неравной борьбе с голландскими пряниками и прочими вкусностями. Династия Стюартов пресеклась окончательно.

Что не вызвало ни малейшего замешательства или переполоха. Как читатель должен помнить из предыдущей книги, на такой случай давным-давно был принят парламентский акт о престолонаследии, по которому престол переходил к супруге курфюрста (князя) Ганновера, внучке Иакова Первого и, соответственно, двоюродной тетке королев Марии и Анны.

В английской истории не раз случалось, что акты о престолонаследии, самым тщательным образом проработанные и не допускавшие двойного толкования, тем не менее оказывались, простите за вульгарность, похерены. Потому что, как чертик из коробочки, объявлялся какой-нибудь честолюбивый претендент, опиравшийся не на бумагу с государственными печатями, а на изрядное количество вооруженного до зубов электората. Однако эти веселые времена безвозвратно ушли в прошлое. Системе в первую очередь требовалось одно: внутренняя стабильность, от которой ее прибыли и зависели. А потому всё было строго по закону. Правда, одно подпортило картину: София умерла за несколько месяцев до кончины королевы Анны. Но это, в конце концов, препятствием не стало: живехонек-здоровехонек был ее сын Георг, курфюрст ганноверский, подходивший по всем статьям: во-первых, человек с толикой крови Стюартов, во-вторых, в отличие от всех прочих Стюартов, добрый протестант. Вот к нему с предложением занять осиротевший британский трон и отплыла в Германию депутация благородных английских лордов.

Тогдашняя Германия была, смело можно сказать, европейским экзотом. Поскольку состояла примерно из 350 (это не опечатка) суверенных и вольных держав, государств без кавычек и «государств» в кавычках. Были довольно крупные и сильные королевства – Пруссия, Саксония, Бавария. Было некоторое количество герцогств и княжеств, тоже довольно сильных и игравших серьезную роль в германских делах. Но было еще огромное количество вовсе уж микроскопических «державочек» – у иного мелкого русского помещика поместья были поболее. Были епископства, подчинявшиеся Ватикану чисто теоретически. А еще – вольные города, а также немало таких, которых так и тянет назвать нищebroдами – одиночек-рыцарей, чье достояние заключалось лишь в длинном титуле, обветшавшем старинном замке и паре деревушек (да и то не у каждого). Теоретически весь этот цыганский табор подчинялся императору Священной Римской империи, а на практике любой, даже самый задрипанный рыцарь спесиво задира л нос и гордо объявлял себя суверенным и независимым. У императора не было серьезных возможностей воздействовать на эту разгульную публику – он был не наследственным, а выборным и всецело зависел от электоров, то есть выборщиков, властителей самых крупных германских земель. А они всю эту суверенную мелюзгу в обиду не давали, исходя из простого принципа: сегодня урежут вольности мелкоте, а завтра, чего доброго, возьмутся и за людей посolidнее... Рассуждение, в общем, логичное.

Тяжелее всего жилось подданным как раз «держав»-крохотулек. Тамошние властители отнюдь не собирались питаться сухой корочкой, ходить в камзоле с продранными локтями и жить в халупах. Из всех сил стремились не уступить в роскоши «большим» – а потому драли с совершенно бесправных подданных три шкуры, особенно с крестьян (в Германии тогда еще существовало крепостное право, ничем не уступавшее российскому). Ту же самую картину

можно было наблюдать и в нашем богоспасаемом (хочется верить) Отечестве – какой-нибудь мелкий помещик с парой-тройкой деревенок тиранствовал и выжимал деньги в сто раз усерднее, чем вельможа, владеец многих тысяч «душ» и поместий, превосходивших по размерам иные европейские государства...

Что собой представляли тогдашние германские «крохотульки», ярко описал классик английской литературы У. М. Теккерей. Ему и слово. Возможно, кто-то меня и упрекнет за чересчур обширное цитирование, ну, надеюсь, найдутся и те, кому это будет интересно.

«Каждый немецкий князь стремился подражать французскому королю, каждый заводил себе свой Версаль, Вильгельмсхое или Людвигслуст, окружал себя пышным двором; разбивал сады со статуями, строил фонтаны с бассейнами и тритонами; каждый имел собственную труппу актеров, танцовщиков, певцов, музыкантов; каждый содержал свой гарем и его обительниц одаривал драгоценностями и землями; каждый устраивал у себя грандиозные праздники с картами, маскарадами, турнирами и пирами по неделям; и за все это платили простые люди – деньгами, если они у них были, а если нет – телами и самой кровью своей, так как господа и повелители без всякого зазрения торговали своими подданными, за игорным столом ставили полк солдат на красное или черное; бриллиантовое ожерелье для какой-нибудь дивы покупали за батальон – словом, пользовались народом, как разменной монетой».

Никаких преувеличений здесь нет. Солдат (крепостных) ставили на кон за игорным столом, променивали на драгоценности и другие ценные вещи. Известен случай, когда один из прусских королей выменял на полк солдат несколько больших, великолепных китайских ваз (китайский фарфор в Европе очень ценился, а своего делать еще не умели). Наконец, самым натуральным образом за хорошие деньги продавали солдат за границу, тому, кто вел какую-нибудь войну. Отец Георга Ганноверского, когда Венеция воевала в Греции, продал венецианцам 6700 своих подданных – правда, не навсегда, а «во временное пользование». Что положения бедолаг ничуть не облегчило – когда война кончилась, домой вернулись только 1400 человек...

Вновь Теккерей: «Если представить себе по мемуарам Европу в начале прошлого (т. е. XVIII столетия. – А.Б.), картина получится ужасающая: нищие, ограбленные, опустошенные земли, сожженные крестьянские хижины и их запуганные обитатели, собирающие жалкую жатву; они же, согнанные в кучи и штыками загоняемые в казармы или бредущие по дорогам под водительством капрала с палкой или плеткой-девятихвосткой в руке».

«Все это королевское великолепие существует среди нищеты и порабощения народа, кругом живут люди, прозябающие в бесправии; лежат разоренные земли; вера, правосудие, коммерция попорчены, почти уничтожены; да и в самом этом великолепии сколько позорного зла, низости, преступлений! Благороднейшие из мужчин и блистательнейшие из женщин склоняют головы перед глупой уличной девкой; а король вешает на белую грудь своей любовницы бриллиантовое ожерелье стоимостью с целую многострадальную провинцию».

Только не подумайте, что германские государства были каким-то извращенным исключением. Теккерей: «В первую половину прошлого века так было, повторяю, по всей Европе». По всей... Некоторые любят говаривать о «многосотлетних традициях европейской демократии». Вот она, европейская демократия во всей красе, точнее, во всей неприглядности, любуйтесь...

Можно добавить еще, что на фоне скопища «супердержавочек» Ганновер все же выгодно выделялся, выглядел вполне солидно: размером примерно двести на триста километров, более миллиона жителей. Правда, тамошнюю жизнь это ничуть не улучшало, она шла по правилам, только что описанным Теккереем. Разве что благодаря нешуточным размерам своего княжества Георг имел гораздо больше возможностей набивать свой карман, чем иная сановная мелкота. Чем он старательно и занимался все время своего курфюршества.

Что еще о нем можно сказать? Государственным умом не блистал, но и бездарностью не был, дела курфюршества вел осмотрительно и, пользуясь старинным русским словечком,

таровато. В чем ему никак нельзя отказать, так это в личной храбрости: во главе восьмидесяти тысяч ганноверских солдат участвовал в трех кампаниях империи против турок и французов, причем не наблюдал за сражениями с пригорка, а сам водил свой отряд в бой.

А вот в чем ему безусловно стоит чисто по-человечески посочувствовать – так это в том, как несчастливо сложилась его семейная жизнь...

Многие считают, что пылкие любовные истории, разгул страстей и лихие интриги со звоном шпаг и грохотом копыт свойственны в основном Франции, Италии и Испании – Ромео и Джульетта, Дон Жуан, пылкий темперамент южан, у которых шпаги в ножнах не задерживаются...

Это будет ошибкой. Темперамент и разгул страстей от климата не зависят. Классический пример: холодная Швеция, XVI в., молодая очаровательная королева Христина, которая форменным образом сбежала со шведского престола в Рим и отжигала там так, что краснели приемышники ко всему римляне. Роман о ней, пожалуй, не уступал бы ни «Трем мушкетерам», ни «Анжелике», жаль только, что он до сих пор не написан...

Так вот, после женитьбы Георга, тогда еще молодого наследного принца Ганновера, разыгралась история, достойная пера Шекспира. Женили его на Софье-Доротее, принцессе Цельтской, очаровательной, образованной, умной и остроумной. Очередной династический брак, при котором любви меж супругами обычно не бывает, и оба сплошь и рядом ищут маленьких радостей на стороне.

Что произошло и в нашем случае. Вообще-то Георг никогда не был образцом супружеской верности – однако старался, как мог, соблюдать чопорную немецкую благопристойность. А вот его молодая красавица супруга крутила любовь с предметом своего обожания практически открыто, отнюдь не в чопорном немецком стиле, о чем вскоре знал весь Ганновер...

Ее избранником (которому она до самого конца хранила верность, что было отнюдь не в традициях шалого и распутного восемнадцатого века, наоборот) стал командир ганноверского драгунского полка Филипп фон Кенигсмарк. Красавец, щеголь, дуэлянт, задира и, по отзывам современников, порядочный негодяй. Еще совсем юнцом он вместе со старшим братом Карлом-Иоганном участвовал в Лондоне в убийстве некоего Тома Тинна (в чем там было дело, мне докопаться не удалось). Шустрым братьям грозила виселица, но их выручил Карл Второй, у которого Карл-Иоганн был в любимчиках.

Еще мальчишкой Филипп состоял пажом при дворе герцога Целле, отца Софьи-Доротей. Поговаривали, что именно тогда они с юной принцессой влюбились друг в друга – а теперь старая любовь вспыхнула вновь. Как бы там ни было, не один год крутили самый пылкий роман, почти не скрываясь – к большому негодованию ханжей. Дошло до того, что Софья-Доротея решила бежать с любовником от мужа – что вообще-то с владетельными особами ее полета случалось крайне редко, если вообще случалось (примеров я что-то не припомню в европейской истории, кроме разве что Изабеллы, Французской Волчицы).

Вот только на сей раз все кончилось гораздо печальнее...

Все было подготовлено вполне серьезно: по приказу принцессы (муж был в отъезде в Берлине) были заложены две кареты, Софья-Доротея собрала все свои драгоценности и ждала Филиппа, который должен был прискакать этой ночью из Дрездена.

Филипп все и погубил. По причинам, которые лично мне решительно непонятны, молодой красавчик параллельно крутил еще один роман – но не с какой-то молодой красоткой, а с придворной графиней фон Платен, крайне влиятельной при дворе курфюрста Эрнста-Августа, отца Георга, – особой пожилой, годившейся ему в матери. Принцессу старая интриганка ненавидела – несколько лет (ненависть была взаимной). Софья-Доротея со своим живым умом постоянно высмеивала графиню, остроумно и язвительно, – о чем графине тут же доносили «доброжелатели». Ответить тем же у графини не хватало остроты языка – зато в интригах она

была непревзойденной мастерицей. И давненько приставила к принцессе своих соглядатаев – которые, узнав о подготовке бегства, немедленно донесли хозяйке.

Графиня бросилась к курфюрсту и наглядно обрисовала, какой позор ждет Ганноверский дом: принцесса, супруга наследного принца, собирается бежать с известным негодяем и авантюристом! Курфюрст, поняв ее с полуслова, тут же выписал ордер на арест Филиппа – и его ночной порой на большой дороге из Дрездена встретили четыре конных стражника...

Дальше – только версии, догадки и домыслы. Говорили, что никакого ордера не было, а стража получила приказ попросту прикончить Филиппа там же, на дороге. Достоверно известно одно: больше никто и никогда его живым не видел, ни в тюрьме, ни где-либо еще. По наиболее убедительной версии, тело сожгли там же, на обочине, так что остался только пепел.

С Софьей-Доротеей поступили не так круто. Впрочем, с какой стороны посмотреть... Ее (в ту пору двадцати восьми лет) отвезли в замок Альден, где продержали на положении узницы тридцать два года, именуя отныне по названию замка «принцессой Альденской». Еще до этого Георг получил от отца бумагу, которую мы бы сегодня назвали «разрешение на раздельное проживание», фактически – разрешение на развод...

Вот такая история – чем не авантюрный итальянский или испанский роман. Что до прочего... что до меня, честно признаюсь: я так и не знаю, кому больше сочувствовать – то ли из мужской солидарности Георгу, которому супруга изменяла едва ли не у него на глазах, то ли Софье-Доротее, за искреннюю любовь и верность возлюбленному заплатившей тридцатью двумя годами заключения. Пожалуй, все-таки принцессе...

Ну все, отвлекаться на прошлые дела больше не будем. Когда прибыло английское посольство со своим крайне заманчивым предложением, Георгу было уже 54 года, весьма солидный возраст по тем временам. И он, кроме наследственного титула, носил уже титул герцога Кембриджского, пожалованный ему королевой Анной, так сказать, впрок.

Предложение англичан Георг принял моментально. Оно и понятно: гораздо престижнее быть королем Англии, Шотландии и Ирландии, чем «простым» курфюрстом Ганноверским (впрочем, Ганновер тоже оставался за ним).

Приехав в Лондон, новоявленный король немало потешил добрых англичан – он привез с собой двух уже пожилых давних фавориток, Кильмансэгте и Шуленберг. Первой очень быстро пожаловал титул графини Дарлингтон, вторую сделал герцогиней Кендал. Графиня, высокая и тощая, как жердь, тут же заработала у остроумных лондонцев прозвище «Майский шест». Герцогиня, полная ей противоположность, женщина, как бы поделикатнее выразиться, весьма и весьма приятной полноты, очень быстро была прозвана «Мадам Элефант», то есть «Мадам Слон». С моей точки зрения, странноватые у Георга были вкусы...

Кроме старых боевых подруг, Георг привез еще целую свиту немцев – генералов, секретарей, камер-пажей, а еще двух крайне экзотических персонажей: негров Мустафу и Магомета, захваченных им в турецком походе. То ли анекдот, то ли реально было: когда генералы Георга осматривали Лондон с высоты собора Святого Павла, один из них с простодушным цинизмом воскликнул: *Was für Plünder!*¹ Вообще-то это может оказаться и правдой: вполне в стиле не только немецких – вообще европейских генералов XVIII столетия, когда разграбить завоеванный город считалось вполне гламурным даже для офицеров и генералов...

На английском престоле Георг Первый просидел тринадцать лет...

Собственно, это и все, что можно сказать о его царствовании. В государственные дела он практически не вмешивался, до конца жизни так и не научился говорить по-английски, окружил себя одними немцами. Очень много времени проводил в Ганновере, территорию которого серией хитрых дипломатических маневров (он был кто угодно, только не дурак) сумел изрядно увеличить. Но в том-то и дело, что именно такой король Систему устраивал как нельзя лучше.

¹ Ах, сколько здесь можно наgrabить! (нем.)

Все подsunутые ему парламентские акты и правительственные решения он подмахивал практически не глядя (да и как бы он их прочитал, не зная ни слова по-английски?) и, человек неглупый, не забывал регулярно одаривать английскую знать новыми титулами и земельными пожалованиями. Как иронически заметил Теккерей, король был предан Англии настолько, чтобы, по крайней мере, предоставить ее самой себе.

Ну, и параллельно старался, как мог, приумножить свое состояние. Времена были не прежние, но все же и у Георга были некоторые возможности разжиться то деньгами, то драгоценностями, то серебряной или золотой столовой посудой. В чем ему усердно следовала его свита – и даже Мустафа с Магометом, люди вроде бы дикие, сумели кое-что для себя выкроить. Но все эти денежки никак не могли сравниться с теми, что грабастали его предшественники в те времена, когда парламент еще не набрал силу, так что, по большому счету, Георг Первый обходился Англии довольно дешево. Самое занятное, что и в народе к нему относились с симпатией – видимо, как раз из-за того, что он не сделал для народа ничего хорошего – но и ничего плохого. На старинные английские вольности не посягал – и на том спасибо...

Гораздо интереснее то, что происходило при Георге. Именно при нем появилась (да так и прижилась до нашего времени) должность премьер-министра, уже официальная. Первым премьер-министром Великой Британии стал сэр Роберт Уолпол, граф Оксфорд, занимавший эту должность с 1721 по 1742 год. Интересный был человек. Талантливый государственный и политический деятель – но и жуткий взяточник, причем практически этого и не скрывал. За что даже был ненадолго посажен в тюрьму (1712 г.), но уже через пару лет стал первым лордом казначейства, то есть министром финансов. Да уж, человек незаурядный... Нашим политикам такая карьера – с нар в министры финансов – и не снилась, у нас, в отсталой России, все же обстоит наоборот...

Что еще? Уж не знаю, насколько немцы из свиты Георга освоили английский, но вот достоверно известно, что они очень быстро освоили старую английскую традицию: продажу прибыльных должностей и прочих теплых местечек, чем и занялись со всем пылом. Особенно в этом преуспели фаворитки Георга, новоявленные герцогиня и графиня. Ну а поскольку такие назначения утверждал король, ему, надо полагать, шел хороший процент. А поскольку достоверно известно, что он не одному благородному джентльмену присвоил титул баронета, надо полагать, неплохо заработал еще и на этом – мы ведь помним, каким манером титул баронета приобретался. Система смотрела на это сквозь пальцы и относилась с полным пониманием: Георг никакого беспредела не устраивал и ничего нового не вводил – всего-навсего проделывал то же, что делали и прежние короли, и высшие деятели Системы, уж Уолполу-то таких вещей не понимать...

Есть некий парадокс в том, что бедолажка Софья-Доротея томилаcь в замке Альден, а ее сын и дочь жили в Англии в полном достатке на положении законных принца и принцессы королевства. Дочь, тоже Софью-Доротею, Георг выдал за прусского короля Фридриха Вильгельма Первого, и она стала матерью короля Фридриха Великого, а сын Георг стал принцем Уэльским, наследником престола...

Смерть Георга Первого сопровождалась некоторыми мистическими обстоятельствами. Неизвестно откуда выпорхнуло предсказание, что король умрет вскоре после смерти жены-узницы (на сей раз, кажется, не сочиненное задним числом, как очень часто с подобными прорицаниями случается, а появилось еще при жизни короля и его незадачливой супруги). Как бы там ни было, Георг и в самом деле очень быстро скончался после смерти в неприветливом Альдене Софьи-Доротеи...

Говорили еще, что Георг в свое время пообещал своим фавориткам: если ему после смерти будет позволено посетить этот мир еще раз, он непременно к которой-то из них явится. И что же? Вскоре после кончины Георга в окно к герцогине Кендал залетел огромный чер-

ный ворон, державшийся без всякого страха. Суеверная герцогиня решила, что король исполнил-таки свое обещание, и окружила ворона самой нежной заботой...

Ну вот, пожалуй, и все об основателе династии Ганноверов, давшей Великой Британии пять королей, ничем, в общем, не примечательных, и одну королеву, чье имя стало символом целой эпохи.

Номер второй

Юность принц Уэльский, будущий Георг Второй, провел как раз в Ганновере – но, в отличие от отца, довольно сносно владел английским языком, хотя и говорил с сильным ганноверским акцентом.

Георг Второй во многом был полной противоположностью своему отцу. Отец был довольно флегматичен – сын печально прославился вспыльчивостью, да что там – бешеным нравом. Сохранились воспоминания, как он в приступах ярости топтал собственный парик, а всякого, кто расходился с ним во мнениях по какому бы то ни было вопросу, чистил вором, лжецом и негодяем. Однако проявил качества искусного политика и толкового государственника. При жизни отца он форменным образом люто ненавидел премьер-министра сэра Роберта Уолпола – однако, став королем, запрятал эту ненависть очень далеко. Прекрасно понимал, что Уолпол – выдающийся государственный муж, и премьер пятнадцать лет служил новому королю без малейших нареканий с его стороны.

Отношения к семьям у отца и сына отличались друга от друга, как небо от земли. Георг Второй женился на принцессе Каролине Бранденбург-Ансбах – и супруга (что довольно редко случается при династических браках) всю жизнь любила мужа пылко и беззаветно (хотя сам Георг порой погуливал на стороне). В государственных делах она разбиралась неплохо, и Георг во время отлучек в Германию всякий раз оставлял ее «на хозяйстве», передавая все полномочия. А отлучался он часто. Чувствуя себя, как и отец, в первую очередь немцем, Георг, вульгарно выражаясь, не вылезал из Ганновера. В 1729 году он уехал туда на целых два года, отдыхал там и в 1735, и в 1736 годах, а между 1740 и 1755 годами побывал там не менее восьми раз и прекратил вояжи на историческую родину, только когда разразилась Семилетняя война.

Есть и кое-что схожее. Как и отец, Георг Второй несколько раз участвовал в войнах с французами на континенте, лично командуя войсками (и стал последним английским королем, принимавшим личное участие в сражениях).

Кстати, о войнах. Некоторые историки порицают Георга Второго за то, что он «встраивал» Англию в так называемую войну за австрийское наследство. Однако, думается мне, перекладывать всю вину на Георга не вполне правильно. В этой войне англичане воевали исключительно с французами. Между Ганновером и Францией никогда не случалось серьезных конфликтов, так что у Георга попросту было неоткуда взяться подсознательной франкофобии. А вот у английской элиты она как раз не одну сотню лет присутствовала чуть ли не на генетическом уровне. И если вспомнить, что власть Системы неизмеримо превосходила куцую власть короля, поневоле задумаешься, кто же именно Англию в эту войну втравил. Интересный факт: после этой войны Георг полностью отошел от политики и государственных дел, перевалив абсолютно все на плечи премьер-министра...

Как и у отца, в семействе Георга случились свои досадные неприятности. Правда, в случае Георга Второго они касались не его жены, образца супружеской верности (серьезно, без дураков), а дочери Софии. Принцесса по уши влюбилась в своего оруженосца Томаса Гарта и родила от него ребенка, разумеется, внебрачного. Как частенько случается, со временем пылкие чувства кавалера растаяли, и Софию он покинул. Что случилось с ним и с их внебрачным сыном, мне неизвестно. А вот София... Никаким репрессиям отец ее не подвергал, она сама стала добровольной затворницей в своих апартаментах, практически их не покидала, целыми

днями занимаясь прядением и вязанием. Так и состарилась, год за годом все сильнее теряя зрение. Когда она совсем ослепла, ее увезли в один из отдаленных королевских замков, где она и умерла, забытая всеми... Печальная история.

Георг знаменит еще и тем, что совершил два поступка, которые лично мне кажутся необъяснимыми. В 1737 г. он основал в Ганновере, в городе Геттинген, университет. Последствия это имело самые серьезные и крайне полезные для науки: уже через несколько десятилетий Геттинген, выражаясь современным языком, приобрел высокий рейтинг среди высших учебных заведений Европы, и учиться туда приезжала молодежь из многих стран, в том числе из России. В поэме «Евгений Онегин» Пушкин отправляет одного из главных героев как раз в Геттинген:

Владимир Ленский, с душою прямо геттингенской...

К середине XIX в. в Геттингене были музей, обсерватория, библиотека из 600 000 книг и 5 000 рукописей, богатейшее в Германии собрание современной литературы (разумеется, тогдашней современной), знаменитая Блюменбаховская коллекция черепов. Именно там работал крупный европейский ученый, швейцарец родом, Альбрехт Галлер, ботаник, анатом, физиолог, врач, поэт и писатель. В Геттингене он заложил большой ботанический сад и основал анатомический театр.

Мало того, в 1753 г. Георг Второй способствовал основанию Британского музея, знаменитого ныне на весь мир.

Что же здесь необъяснимого, спросите вы? Все дело в личности Георга, точнее, его культурном багаже – вернее, полном отсутствии такового. Он никогда не проявлял ни малейшего интереса ни к наукам, ни к изящным искусствам, разве что к серьезной музыке – и покровительствовал многим видным композиторам, в том числе своему земляку Георгу Генделю, которого, став королем, «перетащил» в Лондон из Ганновера. Что до изящной словесности, Георг не только сам в жизни не прочитал ни одной книги – буквально стервенел, когда кто-то при нем читал. Поэтому королева Каролина, когда хотела что-то почитать, форменным образом пряталась от мужа в каких-нибудь дальних покоях, где ему не пришлось бы в голову ее искать.

Вот таким вот «культурным» был Георг Второй. И тем не менее почему-то именно этот человек ощутил внутреннюю потребность основать университет и музей. Согласитесь, нешуточная загадка...

Номер третий

Наследовал Георгу Второму не его сын, а внук. Единственный сын, принц Уэльский Фредерик-Луи, погиб в результате несчастного случая во время безобиднейшего, казалось бы, занятия – игры в теннис. Получил сильный удар мячом, вызвавший какую-то загадочную, так и не распознанную врачами болезнь, очень быстро сведшую принца в могилу. Так что принцем Уэльским стал его сын, тринадцатилетний Георг.

Через девять лет после смерти деда он и был коронован под именем Георга Третьего. Это был первый представитель Ганноверов, родившийся в Англии, прекрасно владел английским, так что народ отнесся с симпатией к светловолосому голубоглазому юноше, уже как бы «своему».

В Англии существовала старинная примета: как пройдет коронация, таким будет и царствование. Во время коронации Георга Третьего случилась серьезная неприятность: 22 сентября 1781 г. на глазах у всех из королевской короны вдруг ни с того ни с сего выпал крупный алмаз. Естественно, пошли разговоры о дурном предзнаменовании, но оно представлялось

настолько скверным, что слухи ходили недолго, и их постарались быстрее забыть. Как выяснилось позже, зря...

Что это был за человек? Первое слово, что приходит на ум, – никакой. Совершенно обделенный какими бы то ни было талантами и способностями, разве что кроме феноменальной памяти. Прекрасно знал родословные всех своих приближенных, их семейные истории, назубок знал, в каком гвардейском или армейском полку какие лычки и петлицы, галуны и аксельбанты, формы треуголок, фасоны фалд, цвет гетр и количество пуговиц на мундирах. Помнил всех университетских преподавателей Англии, мало того, помнил, кто из них к какой церкви принадлежит. Прекрасно знал придворный этикет, обширный и сложный.

Знал в лицо абсолютно всех обитателей королевского дворца – от пажа до последнего конюха или поваренка.

Вот только это никак не могло ему помочь в государственных делах, к которым он был решительно неспособен – да ими и не занимался. Единственное, что говорит в его пользу, – это был человек добрый, совершенно незлобивый, ничуть не любитель почестей и пышных светских развлечений. Большую часть времени вел размеренную, скучную жизнь типичного сельского джентльмена – чаще всего в имении Кью под Лондоном, не столь уж и роскошном. Любил музыку, особенно церковную, сам был неплохим музыкантом. Любил театр, правда, несколько своеобразно: обожал фарсы и пантомимы с участием клоунов, а к «серьезной» драматургии относился равнодушно. Каждый день, в ясную ли погоду или в ливень, несколько часов разъезжал верхом в окрестностях Кью, любил заходить в дома простых фермеров, даже самых бедных, и вести с ними долгие разговоры «за жизнь».

Иными словами, человек был очень даже неплохой – но вот для трона решительно не годился. Впрочем, это мало кого беспокоило – Система работала без сбоев. При Георге Третьем, поставившем очередной для английских королей рекорд пребывания на троне (1760–1820), произошло множество исторических событий мирового значения, и во многих Великая Британия участвовала самым активным образом – но сам Георг не имел к ним ни малейшего отношения, а о некоторых даже и не знал – почему так случилось, объясню чуть погодя.

Пикантный факт: Георг Третий был самым натуральным двоеженцем, о чем, разумеется, мало кто знал. Еще в четырнадцать лет юный принц Уэльский влюбился в столь же молоденькую квакершу самого простого звания Ханну Лайтфут. Роман длился несколько лет, впоследствии уже «по-взрослому»: Ханна родила Георгу двух детей. А потом они заключили тайный брак по всем правилам. Эта история стала достоянием узкого круга лиц, когда в 1761 г. молодому Георгу согласно тем самым династическим бракам пришлось жениться на особе «равнородной» – принцессе Шарлотте-Софии Мекленбург-Стрелицкой. Шли годы, Шарлотта уже родила Георгу двух детей – и вот тут-то история с Ханной выплыла наружу, правда, распространившись в узком кругу. Если вельможи были просто шокированы, то Шарлотта форменным образом пришла в ужас. И было от чего: оказалось, что по английским законам она с самого начала была незаконной женой, а ее дети, соответственно, незаконнорожденными. Такого в европейских владетельных домах еще не случалось. Даже если бы Георгу в срочном порядке устроили развод с Ханной (что у протестантов было, как мы помним, гораздо проще проделать, чем у католиков), положения дел это нисколько не меняло...

Трудно сказать, как разворачивались бы события дальше, но тут Ханна как-то очень кстати умерла. Обстоятельства смерти неизвестны, так что каждый вправе выдвигать свою версию... Но горький юмор ситуации в том, что Шарлотта и ее дети оставались в прежнем положении: смерть законной жены не делает автоматически незаконную законной...

Кто-то, скромно оставшийся Большой Историей неизвестным, нашел выход. Вскоре во дворце состоялся довольно странный бал-маскарад, во время которого настоящий священник обвенчал Георга и Шарлотту по всем правилам. И все встало на свои места...

На английских монархов очень давно никто не покушался. Георг как раз и стал жертвой покушения. Правда, какого-то корявого – лондонская прачка по имени Маргарет Николсон пыталась ударить его кухонным ножом, но ее вовремя скрутила охрана. Очень быстро выяснилось, что труженица лохани больная на всю голову, совершенно невменяемая. Тем не менее кто-то ретивый кинулся предлагать судить ее за государственную измену. Однако Георг это категорически запретил и распорядился отправить прачку в Бедлам – знаменитую лондонскую психиатрическую больницу, чье название давно стало нарицательным для обозначения какого-нибудь совершеннейшего бардака. Там она и умерла.

Грустный юмор ситуации в том, что к моменту покушения сам Георг уже почти десять лет страдал серьезным психическим расстройством. В 1788 г., после того, как король переболел какой-то загадочной лихорадкой (скорее всего, давшей осложнение на мозг), начал вести себя странно и откровенно заговариваться.

Болезнь понемногу прогрессировала. Георг вел себя все «страньше и страньше». Был слу-чай, когда он выскочил из кареты и долго, почтительно кланяясь, беседовал с вековым дубом – принимая его за прусского короля. Подобных художеств слишком много, чтобы их описывать, да и смаковать выходки психически больного человека как-то не вполне пристало.

Состояние Георга усугубило покушение – благодаря многолетнему дружескому общению с самым простым людом он искренне полагал себя «отцом народа», и вдруг «типичный представитель» этого самого народа пытается его убить, причем ни за что ни про что. Психологический шок был серьезным.

Многое из происходившего в семействе самого Георга отнюдь не прибавляло королю душевного спокойствия и равновесия – как раз наоборот. Если коротко – скандал на скандале. Это никак нельзя назвать чем-то новым: крупные и мелкие скандалы в английских королевских домах случались и до Георга, и после – и, как подобает английской традиции, благополучно дотянули до нашего времени. Уже в царствование нынешней королевы Елизаветы Второй их можно насчитать четыре – два крупных, мелкий и микроскопический.

Первый крупный – история Маргарет, принцессы Йоркской, младшей сестры королевы Елизаветы. В 1953 г., в один далеко не прекрасный для Маргарет день, пресловутой «широкой общественности» стало известно, что принцесса – любовница капитана кавалерии Питера Таунсенда, бывшего адъютанта покойного короля Георга Шестого, отца Елизаветы и Маргарет.

Пересуды пошли по всей Англии. Причем нужно отметить, что народные симпатии были как раз на стороне Маргарет: роман был красивый, к тому же Маргарет была не замужем, а капитан – давно разведен, так что никаких адюльтеров. Когда принцесса в составе какой-то официальной церемонии посетила один из лондонских районов, тамошние жительницы ей кричали: «Давай, Мэгги, поступай, как велит сердце!» Когда стало известно, что Маргарет и капитан всерьез намерены пожениться, популярная газета «Дэйли Миррор» провела опрос: как читатели к этому относятся? 95 % отнеслись одобрительно.

Но только не королева Елизавета. Ей тогда не было и тридцати, но силы воли и жесткости ей хватило бы на троих. Сначала она мягко, по-дружески поговорила с сестрой, недвусмысленно намекнув, что в случае брака полностью лишит ее денежного содержания, полагавшегося членам королевского дома, а также всех прочих привилегий. Потом уже официально, на публику, заявила: как глава англиканской церкви никогда не разрешит брака сестры с разведенным, имеющим детей мужчиной (не исключено, свою роль сыграло и то, что капитан был происхождения вовсе не дворянского). Одним словом, мораль должна быть на высоте, джентльмены и леди, а также все прочие.

Кончилось все тем, что в 1955 г. Маргарет сделала официальное заявление, смысл которого сводился к незатейливому «Долг превыше любви». Добровольно и с песней... Капитана послали военным атташе в английское посольство в Бельгии. Закружили тему.

Если бы... Очень похоже, Маргарет любила сердечного друга всерьез. Вскоре она, извините за вульгарность, форменным образом сошла с катушек: начала пить, любовники пошли чередой. В конце их длинной шеренги обозначился не просто очередной постельный партнер, а новый сердечный друг: модный фотограф Энтони Чарльз Роберт Армстронг-Джонс (несмотря на длиннющее имя, опять-таки не дворянин). За него Маргарет и собралась замуж.

Вот тут королева повела себя совершенно иначе: были серьезные опасения, что если она и на сей раз запретит, младшая сестра окончательно покатится по наклонной. Пришлось разрешить. Чтобы все было гламурно, Елизавета присвоила Энтони титулы герцога Сноудена и виконта Линли (парень, надо полагать, ошалел от счастья – очень уж редко человеку самого простого происхождения удается в одночасье стать герцогом и виконтом).

Маргарет и Энтони обвенчались в мае 1960 г. Брак (в результате которого родилось двое детей) продолжался восемнадцать лет и оказался несчастливым – очень быстро начались взаимные измены и скандалы. В 1978 г. супруги развелись – первый после Генриха Восьмого развод члена английского королевского дома...

Второй крупный скандал – печальная история принцессы Дианы, которая слишком известна и близка нам по времени, чтобы ее подробно здесь пересказывать.

Скандал мелкий – дурацкая шалость принца Гарри, заявившегося на вечеринку в эсэсовской форме.

И наконец, скандал микроскопический. Ушлый папарацци сделал пикантный снимок молодой жены одного из английских принцев – она неосторожно на каком-то празднике встала против солнца, так что ножки (надо заметить, весьма стройные) откровенно просвечивали сквозь легкое летнее платье на всю длину. Будь это обычная девушка, никто бы и внимания не обратил (на фоне того, что можно увидеть в мужском глянце, вещь прямо-таки невиннейшая – но поскольку речь шла о принцессе королевского дома, получился именно что микроскопический скандалчик).

Думается мне, Георг Третий, узнав об истории с фотографией, наверняка горько рассмеялся бы и сказал: «Мне бы ваши заботы». В его семействе скандалы, как на подбор, были крупные, звонкие, один из них наделал немало шума не то что в Англии – во всей Европе...

Первым отличился младший брат короля Генри, герцог Камберлендский. Однажды обнаружилось, что в любовницах у него состоит известная красавица леди Генриетта Гроссвенор. Это бы еще ничего, но вот последующие события... Супруг Генриетты, известный потаскун, никакой любви к женушке не питал, но увидел великолепную возможность срубить денежку (поскольку он был жутким кутилой и мотом, в карманах у него постоянно посвистывал ветерок). Тогдашние английские законы позволяли в таких вот случаях мужу-рогоносцу подавать в суд на любовника и требовать компенсацию за моральный ущерб в виде звонкой монеты (бр-р-р!). Вот лорд Гроссвенор и подал в суд на королевского брата, выкатив иск на десять тысяч фунтов. Каковы ему суд и присудил – дело было для лорда бесприкрытое, доказательства железные. Поскольку таких денег у Генри не было, платить пришлось королю.

Суд еще не успел закончиться, когда шалопай Генри отколол очередной номер. Завел новую любовницу, некую молодую вдовушку из графства Дербишир миссис Хортон (из хорошей семьи, но даже не дворянку). И женился на ней самым законным образом, не поставив в известность королевскую семью. Такой вот непоседливый молодой человек...

Не успели сплетни о суде и вдовушке из Дербишира достигнуть отдаленных концов Англии, как грянул тот самый скандал, что взбудоражил всю Европу. Младшая сестра Георга Каролина-Матильда была выдана замуж за датского короля Христиана. И была застукана в постели с любовником при самых недвусмысленных обстоятельствах, не позволявших уверять, будто они рассматривали коллекцию бабочек или старинные гравюры.

По тогдашним датским законам за супружескую неверность женщинам полагалась смертная казнь, причем исключения для коронованных особ не предусматривались. Явственно зама-

ячила плаха. Спасая сестру своего короля, английское правительство направило к датским берегам военную эскадру, предупредив датчан по дипломатическим каналам, что в случае чего простой демонстрацией силы дело не ограничится. Под давлением столь неопровержимых аргументов король Христиан велел судьям до смертного приговора не доводить – но на правах законного супруга отправил неверную жену в ссылку в заморские датские колонии (у Дании их было немножко), где она вскоре умерла от оспы – в те времена болезни почти стопроцентно смертельной...

Как будто всего этого было мало, Георг Третий узнал, что и его средний брат уже несколько лет состоит в тайном браке. На первый взгляд супружница выглядела вполне гламурно – вдова лорда Уолгрейва, а следовательно, леди. Вот только происхождение у нее весьма и весьма подкачало – она была незаконной дочерью сэра Эдварда Уолпола и какой-то модистки. Никаких законных возможностей расстроить этот брак (как и брак Генри с его дербиширской вдовушкой) не имелось. Единственное, что смог сделать Георг Третий, – категорически отказался принимать эту парочку при дворе.

А тут еще крайне непонятные известия из Брауншвейга... За принца Брауншвейгского вышла старшая сестра Георга Августа. Нет, сама она, в отличие от вышеперечисленных родственничков, никогда не стала бы причиной скандала – женщина была приличная и добропорядочная. Там другое. Приехав в Брауншвейг, Августа обнаружила, что у ее мужа есть давняя фаворитка, ничуть не намеренная с женитьбой вельможного любовника уходить в тень. Эта особа преспокойно продолжала держать себя как законная супруга – а английская принцесса оказалась в роли чуть ли не Золушки.

Такие дела...

Но еще более страшным ударом стала неожиданная смерть маленькой дочери короля Амелии, самой любимой из детей. Болезнь устремилась вперед семимильными шагами. Конечно, Система работала безукоризненно – но король пришел в такое состояние, что с ним требовалось что-то делать. Разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы упрятать его величество в Бедлам – это не место для коронованных особ. Выход отыскивали простой, но надежный: при короле круглосуточно находились несколько дюжих лакеев...

Все это продолжалось слишком долго и затронуло слишком много людей, чтобы оставаться тайной для страны... В 1810 г. король пришел в такое состояние, что его даже ради соблюдения светских приличий нельзя было держать на троне и уж тем более показывать публично. Регентом королевства официально назначили принца Уэльского Георга, а короля попросту изолировали во дворце.

Он прожил еще десять лет – но не дай бог такой жизни никому из нас... Георг Третий ослеп, полностью потерял слух. Под неусыпным присмотром на ощупь бродил по залам и коридорам дворца, произносил речи перед воображаемым парламентом, давал аудиенцию иллюзорным придворным, проводил смотры призрачным полкам. Война в Европе отгремела, Наполеон был окончательно побежден и отправлен в ссылку – но Георг об этом ничего не узнал, потому что уже давно не был в состоянии воспринимать действительность.

Психические болезни – вещь во многом загадочная до сих пор... Однажды пришедшая навестить супруга королева застала его в натуральнейшем просветлении: Георг сидел за клавином и пел церковный гимн, аккомпанируя себе вслепую. Потом опустился на колени и вполне разумно стал молиться о королеве, о детях, об Англии и, наконец, о себе – просил Господа либо смягчить его участь, либо дать силы перенести все с совершеннейшим смирением. Закончив молиться, он впал в прежнее состояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.